
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА КИТАЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Цуй Ливэй

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10. к. 2, Москва, Россия, 117198

Объектом исследования выступает особый тип образа страны — лингвокультурный образ, реконструируемый на основе художественных текстов определенного периода. В статье описаны языковые средства, участвующие в создании образа Китая в произведениях представителей дальневосточной эмиграции.

Ключевые слова: лингвокультурный образ, Китай, дальневосточная эмиграция, художественный текст, языковые средства

Интенсивно развивающиеся контакты между странами обуславливают актуальность исследования образов других народов, культур в иноязычной лингвокультуре. Эти образы значимы для восприятия государств их международными партнерами, для развития межнациональных отношений. Не случайно особенностями таких образов занимается отдельная междисциплинарная отрасль научных знаний — имагология, которая ставит своей задачей выявление закономерностей интерпретации и функционирования образов «других» в национальных лингвокультурах. Более того, образы «других», «чужих» становятся основой для формирования образа «своего» государства, «своей» культуры.

Поскольку в формировании образов других стран активную роль играют художественные произведения, именно они зачастую становятся материалом для рассмотрения таких образов.

В нашей статье языковые особенности лингвокультурного образа Китая будут охарактеризованы на материале произведений представителей дальневосточной эмиграции — ответвления литературы русского зарубежья, представители которого эмигрировали в Китай после революции 1917 г.

К основным группам лексических единиц, служащих для формирования лингвокультурного образа Китая, относятся безэквивалентная лексика, имена собственные, фоновая лексика. Важную роль играют также эмоционально-оценочные слова.

Безэквивалентные слова, т.е. «лексические единицы одного языка, не имеющие равнозначных соответствий в другом языке» [2. С. 96], помогают создать правдивый, реалистичный образ другой страны, поэтому входят в универсалию «чужой», описывают Китай как чужую страну, отличающуюся от родной для иммигранта России.

По тематическому принципу безэквивалентные слова в составе лингвокультурного образа Китая можно разделить на две группы.

1. Этнографические реалии (быт, труд, искусство и культура), этнические объ-екты, меры и деньги):

И качается, словно зыбка, // Задремавший *сампан* на волне (К. Батурич «Луна»);
Смотри, как красиво // У острова *джонки* // Слепились, как грозди, // В ажуре сетей!
(А. Ачаир «В фруктовой лавчонке»); На пыльном тротуаре, где *рикши* зло гогочут...
(М. Спургот «Сердце Лу-Шу»); За прилавком купцы полуголые // Бесконечно играют
в *маджан* (О. Скопиченко «Шанхайское захоlustье»); В этой *фанзе* так душно и жар-
ко (Л. Ещин «Про Москву»); В гуще *гаоляна* (В. Март «Три души»); Этот ломоть ян-
тарной дыни // Будет стоять тебе лишь *чох* (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»);
Вдали слышала неискusstную // И безутешную *хуцинь* (В. Перелешин «Хуцинь»).

2. Общественно-политические реалии:

— названия политических партий Китая: «Китай, его народные массы, одетые
в хлопок, не пошли за шелковыми *гоминдановцами*...» (В. Иванов «Мир ничего
не знает о Китае»);

— названия исторических эпох: «О ветре Родины стихи на веере // поэта древ-
него эпохи *Тан*» (В. Кондратович-Сидорова «Китайский веер»);

— названия исторических событий:

... Байков... как и предки мои, заехали в Маньчжурию почти через год после *Бок-
серского восстания* (Л. Кравченко «Харбин изначальный»); В первой половине XIX века
в Китае было свыше нескольких десятков разного рода восстаний. Эти отдельные
ручейки в конце концов слились в одну мощную реку *Тайпинского восстания*, хлынув-
шего в 1850 г. из провинции Гуанси (В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае»);

— названия должностей, особенностей управления, в том числе и устаревших:
«... к ... власти начинают приходить военные группировки, особенно те генералы
из них, так называемые “*дудзюны*”, которые участвовали в революции 1911 г.»
(В. Иванов «Мир ничего не знает о Китае»).

С точки зрения актуальности можно выделить актуальные реалии (их боль-
шинство) и реалии-историзмы, в частности, наименования чиновничьих долж-
ностей в различные периоды истории Китая: «*Мандарина* дочь ...» (мандарин —
название чиновников феодального Китая); «Принимал ларец, *богдыхана* дар»
(богдыхан — в XVI—XVIII вв. наименование императоров Китая династии Мин)
(оба примера из стихотворения М. Коростовец «Китайская шкатулка»).

Созданию реалистичного образа Китая в произведениях представителей даль-
невосточной эмиграции способствуют многочисленные имена собственные:
«Имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, по-
скольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории
и культуры народа-носителя языка» [1. С. 59].

Топонимы являются самой распространенной как бы переносящие читателя
в новый для него мир, создающие новое пространство.

Среди топонимов можно выделить именованья более мелких, менее известных
русскому читателю географических объектов — микротопонимов, которые, как
правило, сопровождаются родовыми именами типа «село», «речка», «город» и т.п.:
«В селе *Зо-Сэ*, у вод канала» (Л. Гроссе «Два храма»); «Мы подплываем к *Хусинь-
тину*, // Где сердце *озера Сиху*» (В. Перелешин «Хусиньтин»).

Названия более крупных географических объектов не требуют пояснений, используются без родовых наименований, как, например, гидроним «Хуанхэ»: «... паренья, // Которые струит весною *Хуанхэ*» (В. Иванов «Казнь»). Также распространенным является гидроним «Сунгари» — река, на которой стоят города Гирин, Цзямусы и центр дальневосточной эмиграции Харбин: «На *Сунгари*» (название стихотворения В. Логинова); «*Сунгари*, сердитая красавица...» (А. Паркау «На шаланде»); «Тихо *Сунгари* воды катит // В гаолянах чужих равнин» (А. Паркау «Воспоминание»).

Самыми распространенными, безусловно, являются названия центров русской дальневосточной эмиграции, прежде всего Шанхая и Харбина, а также столицы Китая — Пекина:

На севере горит *Харбин*, // Блестя в огне зарниц (А. Ачаир «Барабанная дробь»);
И дальше слезные и бледные страницы: // *Гензан... Гирин...* Сумбурность *Харбина*
(М. Колосова «Все о том же»); Город, с глазами раскосыми, // В дальней китайской
стране... (Е. Влади «Воспоминание о Харбине»).

Эти города часто воспринимаются в составе образа «чужого». Определения, связанные с ними, указывают на восприятие этих городов эмигрантами как чужих, вызывающих недоумение, чем объясняется частотность определений «странный», «бессмысленный» по отношению к этим городам:

Странный город блеска, денег и наживы, // Город над степной песчаной рекой, //
Может быть, преступный, может быть, красивый, // Яркий и безличный, шумный
и *чужой*. // Город, где цветы не знают аромата, // Город *странных мыслей* и дурманных
снов... (В. Иевлева «Город Харбин»).

С городами Китая связаны мотивы враждебности, жестокости, ненависти, гибели:

Город *жестокий* украсить они не посмели, // Он *ненавидит* все чистое, не таясь... //
Тянет в болото *безжалостный* город-*садист* (стихотворение Н. Крук «Белые, чистые
хлопья на этой панели...» о Шанхае).

В образах городов Китая и связанных с ними урбанонимами подчеркивается их древность, старость, связанная с древностью мудрость: «*Императорский мост* хранит // *Легенды тысячелетий*» (К. Батурин «В пути»). С Пекином связываются образы старости — *старик, морщины, морщинистая рука, древности — шепот столетий*:

Зажги, Пекин, вечерние огни // *Морщинистой рукой*, // От *шепота столетий* отдохни, // Глаза на миг закрой. // Пусть вновь нарушат *старика* покой // Слепой судьбы шаги... (Е. Яшнов «Зажги, Пекин, вечерние огни...»); Но наивному людскому чванству // Улыбалась *мудрая* страна (Л. Андерсен «В пути»).

В поле «чужой», безусловно, входят топонимы-«двойники» — китайские названия русских городов, рек:

Поет тягуче за веслом китаец // Про *Хай-шин-вей* (В. Март «На Амурском заливе») (Хай-шин-вей — «Залив великих трепангов» — китайское название Владивостока);

Китайцы же называют его [Хинган] *Хэйлушань* — «гора черного дракона», как и Амур, соответственно — Хэйлуцзян (Л. Кравченко «Харбин изначальный») (Хинган, Амур — русские названия рек);

... бурые камни над *Баримом* — словно женщина-гигант, с высокой грудью и прической, в мантии орехового леса — «гора Екатерина», как назовут ее русские... (Л. Кравченко «Харбин изначальный»).

На существование таких топонимов как на яркую особенность дальневосточного региолекта русского языка указывают исследователи: «... в дальневосточном региолекте русского национального языка присутствуют заимствованные из китайского языка и из языков коренных народов топонимы, частично имеющие “двойник” славянского происхождения» [3. С. 121].

Будучи благодарными принявшей их стране, некоторые эмигранты, тем не менее, не могут считать ее родной, и если Россия в терминах родства — мать, то Китай поэты нередко называют, хоть и ласковой, но мачехой: «У *мачехи ласковой* — в *желтой* я вырос *стране...*» (В. Перелешин «Ностальгия»). С этим же связана лексема пасынок: «Пасынок китайской деревушки, // Сын горчайшей беженской беды!» (А. Несмелов «Ламоза»).

Среди мифонимов особо следует указать разные имена основателя буддизма, одной из трех основных религий Китая, — Будды, а также названия известных статуй Будды:

А *Будда* — свидетель победы и горя // Все так же спокойно молчит (О. Скопиченко «Пекин»); До полудня монах забытый // Пред бронзой *Гаотамы* пел (Л. Гроссе «Два храма»); Где, в свете свеч, пред золотым *Майтрейей* (Н. Светлов «Сторукая») (Майтрейя — самая высокая статуя Будды).

Из антропонимов наиболее частотными являются имена творческих личностей — писателей, поэтов, художников, а также философов:

Будь же ты путеводной искрой // В топях жизни — ты, *Ли-Тай-бо!* (Ф. Камышнюк «Наступает желанный искус...»); Сюда пришел еще безвестным // *Чжи Хуа*, художник и монах (В. Перелешин «Хусиньтин»); Из мудрых песен *Лао-цзы* (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевне...»).

Второй распространенной группой антропонимов являются имена правителей Китая и их наложниц, названия династий:

В парке — видела воочью — // Бродит *Кубилай* (М. Коростовец «Пекин»); И она в историю вступила // С августейшим именем *Цы Си* (М. Коростовец «Феникс»); *Ян Гуэй-фей* — название стихотворения М. Коростовец.

Редкие встречающиеся в анализируемых стихотворениях собственные имена обычных персонажей способствуют созданию реалистичной картины и передают специфику китайской ономастики, так непохожей на русскую: «*Ку-юн-сун*» (Имя старого китайца) (В. Март «Три души»); «*Сердце Лу-Шу*» (название стихотворения М. Спургота).

Тем не менее встречающиеся в произведениях представителей дальневосточной эмиграции имена собственные могут входить и в состав лингвокультурной

универсалии «свой». Чаще всего в компонент образа Китая со значением «свой» входит имя собственное — топоним «Харбин». Это объясняется историческими факторами: Харбин — город в северо-восточном Китае — был основан русскими в 1898 г. как железнодорожная станция Трансманчжурской магистрали. Именно этим объясняется восприятие русскими эмигрантами Харбина как русского города, части родины, выражаемое в определениях с семантикой ‘русский’, ‘родной’, ‘близкий’: «Здесь построим *русский город*, // Назовем — *Харбин*» (А. Несмелов «Стихи о Харбине»). Это восприятие лежит в основе метафор, сравнений, перифраз, относящихся к Харбину:

Но меня, как тысячи других, // Ты, *Харбин*, *родной земли осколок*, // Защитил, укрыл от вихрей злых (Е. Даль «Второй родине»); Прощай, *мой друг*, печальный и невзрачный, // Нескладный беженский Харбин (А. Паркау «Туда — к чужим»); «Когда с изгнанием горьким мирит // *Русейший облик Харбина*» (М. Шмейссер «Грустим по Северной Пальмире»).

В целом, в образе Харбина черты «своего» и «чужого» сочетаются в равной мере, в связи с чем образ Харбина предстает двойственным. Двойственность Харбина проявляется в сочетании русских и китайских реалий:

она меня в тот город повела, // одновременно *русский* и *чужбинный*, // где пел по-русски *колокольный звон*, // где полыхали *свечи* предыконные. // И где *китайский золотой дракон* // играл на солнце чешуей драконной (В. Кондратович-Сидорова «Ведь надо же! Через десятки лет...»); Уж такой наши предки оставили след // На Китайско-Восточной железной дороге, // Что хранили его от войны и от бед // И *Святой Николай*, и *маньчжурские боги*. // Там вплотную *Россия* с *Китаем* сошлись, // И с *Востоком* бок о бок соседствовал *Запад*... // Там зимою *сибирские* жгли *холода*... // А весною ветра доносили туда // *Желто-серую пыль* и дыхание *Гоби* (Н. Вохтин «Харбин»).

Коннотативная и фоновая лексика занимает важное место в лингвокультурном образе Китая в произведениях дальневосточных писателей-эмигрантов. Прежде всего следует обратить внимание на цветовую символику.

В создании образа Китая преимущественное значение имеет желтый цвет — цвет, традиционно ассоциирующийся с этой страной. Связь желтого цвета с Китаем разноаспектная, разнонаправленная.

Во-первых, это объясняется географическими особенностями рельефа Китая: большую территорию в Китае занимают области с осадочной горной породой желтого цвета — лёссом: «Желтый ветер крутит тонкий // *Лёссовый туман*» (М. Коростовец «Пекин»).

Как известно, даже название крупнейшей в Китае реки Хуанхэ переводится как «желтая река»:

Но для меня лично день начала города — когда конная группа во главе с Шидловским смотрит с высоты на *палево-желтых* оттенков низину и блеск великой *желтой реки* (Л. Кравченко «Харбин изначальный»).

Во-вторых, цвет кожи китайцев также воспринимается европейцами как желтый. В-третьих, желтый цвет ассоциируется с бронзой, которая, в свою очередь, связана с религиозными обрядами.

Поэтому слова «желтый», «бронзовый» весьма частотны; они употребляются по отношению к стране, географическим объектам, прежде всего, рекам, людям, явлениям природы, божествам:

желтый закат (А. Ачаир «В фруктовой лавчонке»); У мачехи ласковой — в *желтой* я вырос стране, // И *желтые* кроткие люди мне братьями стали (В. Перелешин «Ностальгия»); Смеется надо мною *желтый Будда* (Л. Хаиндрова «Горсть земли»); Два *желтых* мужика едят из чашек рис (Вс. Иванов «Харчевка»).

К коннотативной лексике, несомненно, можно отнести слово «рис», являющийся, как известно, основной сельскохозяйственной культурой. Не случайны поэтому примеры олицетворения риса, проявляющиеся в приписывании ему признаков, характерных живым существам: «Где зеленеет *юный рис*» (Л. Гроссе «Два храма»).

Символом самого Китая, а также вечной красоты является лотос:

И задумчивые ивы // В зеркале озер // Наблюдают сиротливо // *Лотосов* ковер (М. Коростовец «Пекин»); Упал в *страну шелков*, и чая, // И *лотосов*, и *вееров* (В. Перелешин «Три родины»); ... спали на хрусталях воды широкие *лотосы* (В. Иванов «Пекин»).

В данной категории важным является слово «дракон», которое не просто указывает на мифическое животное, но и выступает символом Китая. В отличие от русской лингвокультуры с лексемой “дракон” связаны не отрицательные, а положительные ассоциации — дракон — это защитник, помощник, хранитель дома, страны.

Характерными являются следующие примеры, где слово «дракон» входит в состав перифраз с общим значением ‘Китай’:

В той *стране*, что хранима *драконами* (Л. Ещин «Беженец»); В *стране иероглифов*, *драконов* и *тревог* (А. Паркау «Пятнадцать лет»).

Эмоционально-оценочные слова в лингвокультурном образе Китая делятся на две группы: с положительной и отрицательной оценочностью.

К первой группе относятся слова, связанные с положительными эмоциями радости, эстетического удовольствия:

И странной *радостью* напоен // Мой каждый в быт Китая взгляд! (М. Спургот «Сижу с китайцами в харчевне...»); И ярко в *цветах* утопало, вздыхая в дремоте, *Ханьчжоу* (А. Ачаир «Ханьчжоу»); И что-то *радостно-немудрое* // поет китаец вдалеке (Г. Гранин «Утром у реки»).

Положительную оценку, чувство спокойствия также вызывает то, что напоминает русскую культуру, природу, людей. Поэтому положительные эмоции передают слова с семантикой сходства, близости:

Здесь облака *такие же*, как там, // Легки, округлы и крылаты, // *Подобно* нашим русским облакам... (Т. Андреева «Родине»); Говоря (*как на Руси!*) // Встречным всем: «Синь-нянь! Синь-си!» (Н. Светлов «Новый год Китая»).

Наиболее распространенными словами, описывающими восприятие русскими новых условий жизни, являются слова с семантикой несхожести, чуждости, прежде всего слово «чужой»:

Чужие слова и речи, // Пыль *чужих* дорог (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»); На все бросает *Чужое* // Свой равнодушный взгляд (Б. Волков «Дракон, пожирающий солнце»); Я здесь из *чуждого* Китая (М. Колосова «Письмо в Америку»); Тихо Сунгари воды катит // В гаолянах *чужих* равнин (А. Паркау «Воспоминание»).

Осознание несходства, непохожести, чуждости китайских реалий вызывает негативные эмоции — страх, тоску, печаль, растерянность:

И мы — в *тоске*, за *дальним* рубежом... (Т. Андреева «Родине»); Отчего нам так *страшно*... (М. Волин «В переулочок пустынный, где серо и душно от пыли»); *Страшно*, что *вакуум жизни* уютен и чист... (Н. Крук «Белые, чистые хлопья на этой панели...»).

Еще одну группу слов, связанных с созданием образа Китая как «чужого», образуют эмоционально-окрашенные слова, указывающие на враждебность всего окружающего — людей, природы, даже религии — по отношению к эмигрантам:

Суrowые лица // Со мной и *бездушные* боги (А. Ачаир «Как и прежде»); На пыльном тротуаре, где рикши *зло* гогочут... (М. Спургот «Сердце Лу-Шу»); Кругом густая мгла, пирушка *злойной тьмы*, // Китайцы все в очкают ветра и от пыли, // Японцы с масками от гриппа и чумы. // Очки *чудовищны*, и лица *странно жутки*, // В *смятенном* городе *зловещий* маскарад (А. Паркау «Харбинская весна»).

Итак, в лингвокультурном образе Китая в произведениях представителей дальневосточной эмиграции выделяются следующие черты:

- страна с особым бытом, религией и философией;
- древняя страна со своими обычаями и традициями;
- «чужой», «другой»;
- «вызывающий негативные эмоции — страх, тоску, печаль»;
- «агрессивный, жестокий»;
- «неподвижный, медленный».

В образе китайцев подчеркиваются особая внешность (желтая кожа, раскосые глаза) и неумение говорить на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
- [2] *Ларина Т.В., Озюменко В.И.* Лакуны и безэквивалентная лексика как фиксаторы специфики языка и культуры // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2013. № 4. С. 93—101.
- [3] *Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. М., 2008. № 2 (16). С. 119—136.
- [4] *Русская поэзия Китая: Антология* / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
- [5] *Харбин*. Ветка русского дерева. Проза, стихи / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991.

LINGUISTIC MEANS OF LINGUISTIC AND CULTURAL IMAGE OF CHINA IN LINGUISTIC CULTURE OF FAR EAST EMIGRATION

Cui Liwei

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10, building 2, Moscow, Russia, 117198

The article characterizes a special type of a country image — linguistic and cultural image reconstructed on the material of artistic texts of a certain time period. The author describes linguistic means creating the image of China in literary works of the representatives of the Far East.

Key words: linguistic and cultural image, China, Far East emigration, artistic text, linguistic means

REFERENCES

- [1] Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kultura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Country Studying in teaching Russian as a foreign language]. M.: Russkij yazyk, 1990.
- [2] Larina T.V., Ozyumenko V.I. *Lakuny i bezekvivalentnaya leksika kak fiksatory specifiki yazyka i kultury* [Lacunae and non-equivalent lexis as signs of specificity of a language and culture] // *Vestnik RUDN*. 2013. № 4. S. 93—101.
- [3] Oglezneva E.A. *Dalnevostochnyj regiolekt russkogo yazyka: osobennosti formirovaniya* [Far East regiolect of the Russian language: the peculiarities of its forms] // *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii*. M., 2008. № 2 (16). S. 119—136.
- [4] *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian Poetry of China: Anthology] / Sost. V.P. Krejda, O.M. Bakich. M.: Vremya, 2001. 720 s.
- [5] *Xarbin. Vетка russkogo dereva. Proza, stixi* [Harbin. The brunch of Russian tree] [Sost. Selkina D.G., Taskina E.P.]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1991.